

**Похвальное слово Петру Великому, императору и самодержцу Всероссийскому, Отцу Отечества
произнесенное в торжественном собрании имп. С.-Петербургского университета марта 25-го дня
1838 г. экстраординарным профессором доктором философии Александром Никитенко.**

Санкт-Петербургский университет, празднуя свое физическое и нравственное возрождение, могучею державною волею для него созданное, с восторгом встречает, в эту прекрасную эпоху своего возраста, приветливый взор собрания столь знаменитого. Если вы, Мм. Гг., смотрите на него с надеждами, то это одно уже в состоянии возвысить и омужествить дух наш: это значит, мы признаны достойными выполнять, вместе с вами, великие намерения государя и споспешествовать славе Отечества. С другой стороны, заботливое внимание ваше к сему высшему учебному заведению служит новым утешительным доказательством того, сколь любезно России драгоценное наследие Петра -- ее просвещение. В эти торжественные минуты тесного, видимого сближения общества с наукою и науки с обществом более, чем когда-либо удостоверяешься в благопоспешности ее начинаний; сильнее чувствуешь, что наука не может иметь других притязаний и другой славы, как утверждать наши законы, наш общественный порядок и упрочивать наше благо; что она есть только одна из естественных и необходимых сил нашей народной организации. Время сказать это, Мм. Гг., теперь, когда могущественная и глубокая мысль августейшей главы империи проникла в души всех, и именем русской чести, напечатлела в них святой завет: *"да будет отныне в России все русское"*. Одно из любопытнейших явлений в истории народов, без сомнения, есть ход нашей образованности. Пред нами две эпохи; их разделяет целое столетие; в пространстве этого времени совершилось для России столько необычайных событий, что столетие кажется веками; две сии эпохи, по-видимому, даже противоположны в своем характере и значении, -- а между тем они сливаются в один момент народной жизни; первая существует единственно для последней, как последняя есть только естественное, правильное раскрытие всего, что заключалось в предыдущей. Одна эпоха, когда по могущественному слову: *да будет*, раздавшемуся над русскою землею, возникли на ней новые люди с новыми потребностями и назначением; другая, когда эти люди, по такому же мощному призывному голосу, бросаясь в объятия России, как бы после долгой разлуки, воскликнули в восторге своего обновленного существования: *мы дети твои!* Гений Петра, свыше помазанный на великое творчество, созидавая новые судьбы народа, черпал для них стихии там, где они были, -- в общих избытках человечества. Мы продолжали черпать их, пока не укрепились их силою и не возросли для жизни высшей и вместе самобытной. Закон природы выполнен. Следовало угадать минуту, в которую России надлежало начать жить собою и в себе. Угадать эту минуту не было делом ума обыкновенного; немного раньше мы могли пойти назад; немного позже мы могли подвергнуться недугам, столько же тяжким, сколько и чуждым нашей природе. Но эта минута угадана; дело Петра довершено. России возвращается Россия. Уже по твердой самодержавной воле великого Зодчего передвигаются колеса необъятной государственной машины, устанавливаются новые пружины, творение Петра организуется, приводится к единству естественного национального начала. Как! все это зиждется в наши дни, пред нашими глазами, и мы даже не слышим шума этих чрезвычайных работ? Мы не испытываем никаких тревог, неразлучных с великими государственными изменениями? Мы даже не замечаем ускоренных шагов нашего необычайного шествия? Посмотрите: святая, торжественная тишина приосеняет наши дни; лицо России цветет обычным здоровьем, и слава платит нам, как и прежде, свыше установленные дани, -- а для будущности в недрах этой славы и покоя готовится столько величия... Но оратор не должен похищать прав у историка; не станем предупреждать потомство. Объятые отовсюду воспоминаниями первого дня нашей нравственной жизни и вкушая плоды нашего возрождения, мы имеем уже пред собою неиссякаемый источник для великих размышлений и для слова в минуты, посвященные торжеству науки и народной славы. Беседующему с вами нет надобности прибегать к искусственному сближению предмета своей речи с настоящим случаем. Пред вами, Мм. Гг., дух Петра и его дело оправданное, довершаемое. Его могучая воля живет в каждом акте нашей жизни и продолжает управлять событиями. Все вокруг нас и в нас самих исполнено святынею его мысли; все дар ее, -- как и эти стены, среди коих совершается скромное, но общепольное служение истине, как это место, с коего дерзаю призывать его бессмертное имя, как самое слово, коим беседуем с вами. Здесь, окруженные, проникнутые его невидимым присутствием, мы невольно исполняемся священного благоговения; сердце поработщено силой этого мощного гения, облеченного всем величием, всею будущностию России, -- мы должны или безмолвствовать, или говорить только о нем!

Но, Мм. Гг., вы без сомнения желали бы, чтобы устам красно-речивейшим предоставлено было